

ШРАМЫ СЕДЬМОГО ЧАРОДЕЯ

18+

АЛЕССАНДРА ДЕ АМАЛЬФИ

Алессандра де Амальфи
Шрамы седьмого чародея
Серия «Фэнтези. Бромансы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73972017
ISBN 978-5-17-182040-4

Аннотация

Божественная магия завладела королем Солианских островов. Казалось бы, катастрофа неминуема, вот только... король не обезумел. История пошла по иной тропе, и у Эгельдора появилась возможность все изменить.

Но прошлое настигнет их, чтобы напомнить: за ошибки придется платить.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алессандра де Амальфи

Шрамы седьмого чародея

Любое использование материалов данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается

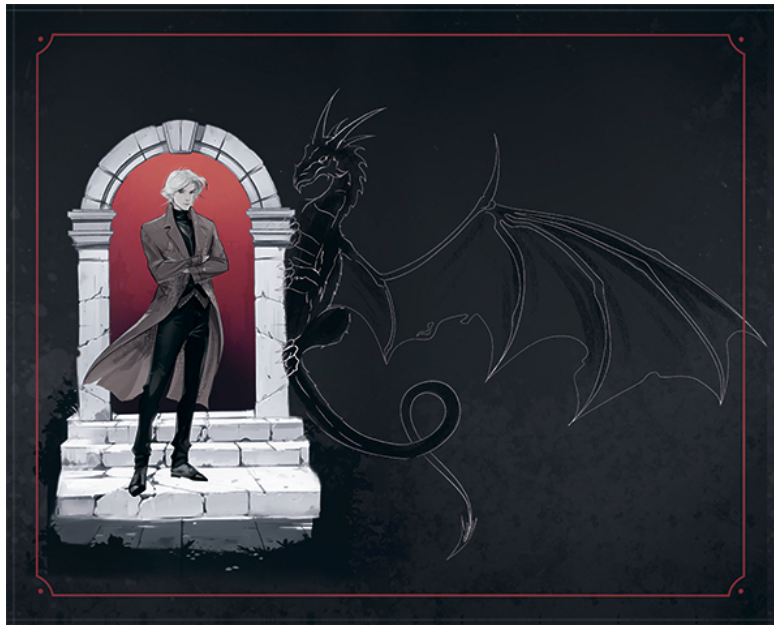
Иллюстрация на переплете ДАФАО (DAFAQ)

© Алессандра де Амальфи, 2026

© fcnjt art, внутренние иллюстрации, 2026

© ООО «Издательство АСТ», оформление, 2026

* * *

Глава 1

В носу застыл запах крови. Пальцы сводило от воспоминаний о том, как отчаянно я хватался за напитавшуюся силой фигуру короля.

Я не смог освободить Фабиана от груза божественной магии и бесславно пал, когда силы покинули тело – произошло это весьма скоро. Впрочем, этого хватило, чтобы крупницы разума и узнавания заплясали в ледяных глазах короля, и его – на самом-то деле чуткое – сердце преисполнилось переживаний о моем самочувствии. Вив долго смеялась, рассказывая об этом. Я был не в состоянии даже улыбнуться, но приятно удивился скорой реакции Фабиана.

Вероятно, не будь ее, не было бы и меня.

Говорили, я дышал, но в сознание не приходил, пока не вернулись на Фадрейн. Точнее, пока кто-то не догадался как следует искупать меня, чтобы избавить от крупниц проклятой пылицы. С тех пор дух и силы потихоньку возвращались в конечности, но лишь для того, чтобы напомнить о боли и истощении, к которому я стремительно пришел за время под крылом виконта Дюваля. Что и говорить, хозяин из него негостеприимный.

Фабиан распорядился, чтобы меня поселили в старых покоях: если вдруг понадобятся слуги или лекарь, туда попасть намного проще.

– Отдыхай сколько нужно. – Поднять веки полностью оказалось сложно, но даже с закрытыми глазами я знал, что король носился по комнате, пытаюсь все организовать, заглядывать вину. Хотя я сомневался, кто из нас виноват больше. – Я обо всем позабочусь. Подумал, захочешь побыть один. Тут никто не побеспокоит. А если что-то понадобится... знаю, тебе тяжело говорить, но постарайся сказать, и все тут же...

– Спасибо, – прошептал я.

Было интересно, как он отреагировал. Тепло улыбнулся? Или нахмурился? В ответ ничего не прозвучало, только шаги.

Покой мне правда обеспечили, но от обещанного одиночества осталось лишь название. Да, в комнате почти всегда было тихо, ведь если я не спал, то делал вид, будто это так, однако рядом постоянно кто-нибудь находился: слышались шаги, вздохи и шорох одежд. Служанки обтирали меня мокрыми тряпками – после этого становилось жутко холодно, – стражники заходили проведать и узнать, дышу ли я, а лекари чем-то мазали мое тело. Я понятия не имел, насколько серьезными были раны, но жжение ощущал весьма отчетливо.

Жалкое существование. Под стать тому, кто его влачил.

Иногда со мной разговаривали, и я начал осознавать, как приятно просто слушать – без желания и возможности перебить, что-то вставить, поддеть. Люди открывались совершенно иным образом, когда думали, что их не слышат. Для них я был вроде алтаря мертвого бога, у которого можно ис-

поведаться без страха понести наказание.

– Знаешь, в детстве мне говорили, что самое главное – удачно выйти замуж. Но я всегда знала, что это бредни. Иветт вон вышла, и глянь, что с ней стало! – устало усмехнулась Вив, в очередной раз расположившись рядом с постелью. Она часто скрашивала мои молчаливые дни своим присутствием. – Бредни, да... Эй, ты чего так тяжело вздохнул? Если хочешь поспорить, даже не смей. Что мне, сидеть дома и поедать пирожные? Я же со скуки помру! Да и сладкое не люблю, если честно...

Разумеется, дышал я ровно, как и всегда, но юная наемница со звучным именем Вивиан – ну точно ягоду во рту перекатываешь! – умела читать между строк. Хотя... Нет, точно умела. Не обучившись грамоте, вряд ли можно снискать популярность у знати; письма для них что воздух, и все дела они предпочитали решать через них. Ненадежно, и все же дань традиции.

– Ты, наверное, тоже жениться не хотел. Иветт-то довольна была, несмотря ни на что, но на тебя в те дни украдкой посмотришь – а ты белее морской пены, взгляд тяжелый. А я часто смотрю. Когда не знаешь, что за тобой наблюдают, ты... другой. И когда пьяный – тоже. Как вспомню ту нашу попойку, со смеху живот сводит. – Вив устроила голову на кровати, чуть стянув с меня одеяло, но как только заметила, тут же его поправила. – Признаться, встретив тебя впервые, я жутко испугалась. Столько историй слышала, а тут ты – во

плоти! Но все оказалось не так уж и плохо, а, гаденыш? На-терпелись мы из-за тебя в последнее время, не поспоришь. Но без тебя тут как-то... грустно.

Внутри кольнуло. Что это за чувство?

– Зато теперь есть время поболтать. Так забавно: ты просто посапываешь, пока я говорю, а кажется, будто отвечаешь. Вообще я болтливая. Плохое качество для наемницы, может отвлечь и все испортить... вот и прихожу к тебе вечерами. И представляешь, при этом даже не отлыниваю от работы! Он всегда где-то тут. Даже сейчас за дверью стоит, так что и я рядом. Просыпайся, дорогуша. Твой сон... затянулся.

В ее голосе слышалось беспокойство – кажется, искреннее, – и хотя прежде обвинять Вив в бесчувственности не было повода, я отчего-то удивился. Да, я заставлял ее за наблюдением – в основном на улице, где она могла затеряться в толпе людей и исчезнуть, растворившись в дорожной пыли, – но считал, что она просто выполняла поручение короля. Проверять меня время от времени и правда стоило, такая уж работа. Не воображать же, что она по какой-то причине волновалась о... друге?

Еще один человек, считавший меня другом, бывал подле моей постели чаще других. Глаза я открывал лишь изредка, но о его присутствии всегда сообщала атмосфера невозможной усталости и отчаяния. Он двигался тяжело, едва поднимая ноги, на стул падал, будто вдруг лишался сил, а вздыхал так, что, казалось, весь замок вздыхал вслед за ним. Па-

ру раз все же подняв веки, я заставлял Фабиана за столом, зарывшимся в кипы бумаг, а однажды он и вовсе заснул, сидя на полу возле прикроватной тумбы. Как-то мне даже почудилось, что я видел его лицо на соседней подушке, и его дыхание, частое и горячее, щекотало мне щеку, оставляя на ней вуаль испарины, но с утра я понял, что это было частью сна в бреду.

Волосы Фабиана все еще были черны как смоль, и я полагал, что так божественное наследие заявляло о правах на его тело.

В один из дней входная дверь скрипнула, и я нашел в себе силы заговорить. Они проснулись вместе со звериным голодом и ноющим требованием мышц вспомнить, каково это – ступать по земле по собственной воле.

– Давно не виделись, – прошептал я, медленно поворачивая голову.

Фабиан застыл и подавился вдохом, но спустя секунду уже кинулся ко мне. Я чувствовал себя стариком, чьей смерти одновременно не могли дожидаться и страшиться – предстояло не то делить наследство, не то разгребать проблемы.

– Прости, – тут же запричитал Фабиан каким-то не своим, тонким и тихим голосом, будто боялся спугнуть вновь вспыхнувшую во мне жизнь. – Прости, я не знал, что совсем потеряю рассудок и сотворю... такое.

– Какое?

Он гулко сглотнул. Я не осматривал себя, да и лежал до

этого дня почти неподвижно. Что бы ни происходило с телом, сейчас я все равно не мог ему помочь.

Фабиан мучался, пытаясь подобрать слова.

– Что с Дювалем? – попытался я сменить тему.

Вышло дурно: на этот вопрос он тоже не сразу нашел ответ.

– Сам знаешь.

– Я... не то имел в виду.

Фабиан поднес к кровати стул, рухнул на него и спрятал лицо в ладонях. Вид чистой кожи на его пальцах чуть успокоил ту часть меня, которая, как оказалось, внимательно осматривала его, пытаясь отыскать следы магии. Я чуть слышно выдохнул.

– Гептагон отослал ноксианским королям официальную бумагу, в которой осудил действия виконта. Они решили откупиться, чтобы привлечь к делу как можно меньше внимания, – пояснил наконец Фабиан. – Так что у Ателлы теперь есть горы денег на развитие школы, а виконта Дюваля нет. Как будто и не существовало.

– Как ты?..

– Птичка. Появлялась тут, а я как раз заходил. Сказала, кто-то просил тебе передать.

– А его жена?

– Оу... – Фабиан резко выпрямился, на лице застыло недоумение. Совершенно непривычное для него выражение, даже забавное. – Я о ней, признаться, не подумал, да и Иветт

не спрашивала. Бежала, полагаю.

О своей жене я спрашивать уже не стал: слышал от Вив и слуг, что она осталась в замке в качестве пленницы. Бежать не пыталась, так что ограничились тем, что приставили к ней стражников. Иллюзии насчет того, что она не представляет опасности, развеялись, но без поддержки отца ее возможности потеряют прежний размах. Фамильное имя Дюваль из пропуска в каждую дверь превратилось в гниющее клеймо на лбу. Податься ей было, в общем-то, некуда.

– Ладно. – Я попытался приподняться, но безуспешно: голову тут же потянуло к подушке, и я умудрился удариться затылком об изголовье. Фабиан не сдержал смешка. – Посмейтесь где-нибудь за дверью, ваше величество. Я из-за вас чуть не сгинул, а теперь еще и затылком голым...

– Спасибо, – выдохнул он, будто давно сдерживал желание это сделать. – Не было возможности сказать. Вернее, была, но хотелось, чтобы ты точно услышал. Спасибо.

Я собирался ответить, что за деньги, которые мне платили, сделал бы ради него и не такое, но слова застряли в горле. Фабиан улыбнулся – мимолетно, опустив взгляд, – и я сглотнул, чтобы не выпустить несказанное наружу.

– Что чувствуешь? Она... подчиняется? – осторожно спросил я вместо этого. – Как ты живешь без снадобья?

– С трудом, – признался он. – Но держусь. Сейчас все ощущается... иначе. Раньше она была, словно буря, шторм, необузданная и необъяснимая, а теперь я ее... понимаю?

Могу с ней говорить. *Уговорить*. Интересно, чародеи ощущают нечто похожее?

– Не совсем. Наши силы зависят только от нас и рождаются из наших намерений. У них нет собственной воли.

– Что ж, мне достался строптивый питомец...

Фабиан горько усмехнулся и поправил волосы, используя жест как повод отвести взгляд. О собственном строптивном питомце я тоже помнил – и горевал, что нет сил увидеться. Ниррити изнывала в одиночестве, думая, что у нее вновь кого-то отобрали. Злость в ней кипела и готовилась вылиться на любого, кто зайдет в ее жилище, и благо, что никто не додумался посетить виверну в мое отсутствие. Почувствовав же, что связь восстанавливается, она воспряла духом – пожалуй, это наполнило энергией и меня.

– Что местные говорят по поводу волос? – поинтересовался я, отчаянно желая снять с лица Фабиана вуаль вины: она не красит королей. – Не хочется признавать, но так выглядит лучше. Седина тебя все-таки старила.

– Сказал, ты подсобил. Им даже понравилось. – Он почему-то смутился. – Болтают, что будь я таким пару месяцев назад, ты бы невесту у меня не увел.

– Ну-ну, не увлекайтесь, ваше величество. Во всем надо знать меру.

– Очнулся!

Вивиан влетела в комнату под аккомпанемент нашего неуверенного смеха и запрыгнула на кровать, устраиваясь на

моих ногах, как кошка, готовящаяся ко сну. Конечности за-
ныли, но я стерпел. Неподдельная радость на лице Вив все
еще удивляла.

– Скучала?

– Не делай вид, что мой голос не вел тебя к свету все эти
дни.

– Да, – протянул я. – Он не затихал.

Вив улыбнулась, но, наконец разглядев во фразе издевку,
ущипнула меня. Я шумно втянул воздух, пытаясь не пока-
зать, насколько было больно – тело все еще оставалось чрез-
мерно чувствительным, хоть я и пришел в себя. Вивиан кос-
нулась пояса, полного ножей, и многозначительно вскинула
брови.

– Скажи спасибо, что в этот раз я воспользовалась руками.

– Вивиан, тебе следует...

Но она либо не услышала Фабиана, либо намеренно пере-
била его – он, признаться, позволял ей слишком многое, а
она была рада наконец сократить дистанцию, которую обыч-
но держала с заказчиками. Произошедшее, вероятно, сильно
сблизило их. Все же они оба рванули на чужие острова, что-
бы достать из темницы одного лишнего сил неудачника,
и вернулись невредимыми после того, что даже Верховного
приковало к постели.

Пальцы Вив нащупали что-то за поясом и ловко вытащи-
ли неаккуратно свернутый кусок бумаги.

– Вот. – Вив протянула его мне, но, чуть подумав, сунула

послание под подушку. – Тобиас передал. Я говорила, что ты, скорее всего, прочтешь нескоро. Он ответил, что сделал все, что мог.

Фабиан бросил на меня неожиданно спокойный взгляд. Отчего-то по спине пробежали мурашки.

– Я... просил его об услуге. – Мне и самому не сразу удалось вспомнить, о чем речь; тот разговор с Тобиасом казался таким далеким, словно однажды приснился. – Он сказал что-нибудь еще?

– Нет, мы разговорились о чем-то другом, и он...

– О-о-о, вот как?

– Даже не думай! – Вив пригрозила мне пальцем, который так и тянуло назвать изящным, но грубая кожа и мозоли на нем не позволяли этого сделать. – Еще хоть слово, и тебе...

– Никакой свадьбы, я понял.

За дверью послышался шум, и спустя секунду в образовавшейся щели возникло лицо стражника. Вив не дала ему заговорить.

– Точно! – воскликнула она, вскакивая с постели, и махнула рукой стражнику, мол, дальше разберется сама. – Там же... этот... в общем, герцог просил вас об аудиенции, помните? Вы уже два раза переносили встречу. Полагаю, можно перестать испытывать его терпение, раз Эгельдор проснулся.

– Встреть герцога, – кивнул Фабиан. – Я скоро буду.

Раздался тихий скрип, и комната утонула в тишине. Ко-

роль молчал. Я не знал, что сказать. Вопросов накопилось столько, что никак не удавалось понять, есть ли среди них и правда важные. Сколько бы времени я ни провел в постели, кажется, я упустил слишком много. Все вышло из-под контроля, ничто не поддавалось объяснению. Гордая божественная сила Фабиана оттолкнула меня, не позволив себя вобрать, чтобы облегчить его ношу, так почему же ему стало легче? Почему он обрел над ней власть? И что мешало сделать это в прошлых мирах? Впрочем, на эти вопросы он ответить не мог.

– Прочтешь?

Фабиан указал на торчащее из-под подушки послание. Я коротко кивнул. В следующую секунду он уже развернул лист и подал мне.

*«Ну что, принцесса в башне, у меня есть новости.
Ты не успел устроить все так, чтобы меня пустили
к архивам, но теперь я уверен – это необходимо.
Встреться со мной. Или договорись, чтобы я смог тебя
посетить, когда наконец выступишься.
Твое созвездие кое-куда меня привело».*

– Мне стоит знать?

– Пожалуй, – признался я. Их общее прошлое теперь ставило под угрозу всю затею. Больше не хотелось выводить Фабиана из себя... да и не нужно было. – Могу я попросить о назначении Тобиаса моим личным стражником?

Фабиан чуть потряс головой, как будто это могло помочь

ему что-то осознать.

– Есть и более опытные.

– И все же?

Он думал лишь пару секунд, будто ради приличия, а затем пожал плечами и кивнул.

– Как пожелаешь. – С моих губ сорвался шумный выдох. – А что... а, ты же стал свидетелем его пьяной выходки. – Фабиан хмыкнул, поглаживая подбородок. – Признаться, я на него не злюсь. Уже нет. Все это произошло так давно и было так глупо, что сейчас мне стыдно за свое поведение. Просто из-за... ты сам знаешь, из-за моих... сил сложно было сдерживать эмоции. Давно стоило вернуть ему место. Он хороший воин. А когда-то и другом был неплохим.

– Ты слишком строг, – улыбнулся я. – К вам обоим.

– Этого требует трон.

Что ж, справедливое замечание. Держать подле себя тех, кто может подвести, чревато переворотами, бунтами и обеднением казны. А королей мало кто способен держать в узде – редкие советники и жены могут похвастаться хоть каким-то на них влиянием.

Значило ли это, что отныне все... предотвращено? Повсеместный ужас, разрушения, смерти – все, что я видел и от чего бежал? Лейфт не сумел поразить его сердце красотой Иветт, а Редрами не подбила развязать войну ради мести. Краарис не обольстила возможностью забрать тысячи жизней, а волны Нетрикс не помогли потопить прибрежные го-

рода. Все, казалось, встало на свои места.

И все же предзнаменование будущих бед витало в воздухе, словно само будущее замирало, ожидая моего следующего шага.

Восемь звезд все еще красовались на чьем-то гербе.

Глава 2

Землю уже три дня как окутало снежной вуалью, когда я наконец сумел встать без страха, что ноги подогнутся и на лице появится еще один постыдный синяк. В Тэлфорде редко бывало так холодно, и в какой-то миг, стоя перед окном, я замер, посчитав, что остров плотным ковром устлал пепел... пока дети на дороге не начали играть в снежки.

Слуги перенесли в мое временное пристанище часть моих вещей, так что при первой же возможности я скинул пропитавшийся лечебной мазью халат и принялся переодеваться. Старался при этом не слишком рассматривать покрытое увечьями тело, чтобы не понять, какую боль должен испытывать. Магия частично вернулась и притупила ощущения, поэтому я предпочитал думать, что здоров – если не полностью, то хотя бы физически, – а значит, могу действовать решительно и самостоятельно.

Вот только король, по-видимому, так не считал.

– Ваше сиятельство, приказа выпускать вас из покоев я не получал, – отчеканил стражник, дежуривший у двери. Голос из-под забрала и сам казался металлическим.

– Попросите его величество впредь различать пленников и гостей. – Я отмахнулся, попытался пройти, но путь тут же преградили скрещенные копыя. Хватило одного взгляда, чтобы доспехи стражника зазвенели, забившись друг о дру-

га, и он опустил оружие. Второй дежурный, чуть подумав, поступил так же. – Премного благодарен.

Я накинул капюшон и постарался поскорее убраться отсюда, но в ногах загудело; пришлось замедлиться. Сколько же той гадости попало внутрь меня, раз требуется так много времени, чтобы вновь стать собой?

– Говорил же, что он жуткий, – раздался позади тот же скрежет.

– Да ты затрясся еще до того, как он тебе слово сказал.

– А ты чего язык в жопу засунул, раз такой смелый? По-говорил бы сам!

Чудо, что хотя бы нужное впечатление я все еще производил.

После тщательно протопленных покоев коридоры показались ледяной тюрьмой, но все слуги, что встретились мне на пути, выглядели в разы счастливее, чем прежде. Неудивительно: жители замка редко покидали его в такой мороз, поэтому дел у работников оставалось мало – принести еду да искупать. Последнее некоторые, конечно, могли бы делать сами, но это лишило бы их основной доли развлечений в столь скучные дни.

Отыскать место, где держали Иветт, оказалось в разы проще, чем я полагал, – достаточно было прийти туда, где мы делили постель, или обратить внимание на дверь, около которой толпилось больше всего стражи.

– Думаете, двое ее не удержат? – усмехнулся я.

Стражники, поначалу вальяжно оглянувшись, вдруг выпрямились и ударили об пол древками копий.

– Никто не знает, чего от нее ждать, ваше сиятельство! – отчитался тот, что был выше. Неужто они выбирали главного по росту? – Рады видеть вас в добром здравии!

– Добром, как же... Позвольте?

Я кивнул на дверь, и все тут же расступились, освобождая дорогу. Эти оказались посообразительнее.

В комнате Иветт пахло пряным маслом и чем-то горьким. Я ожидал, что увижу вместо цветущей юной девы ее убитую горем, потускневшую тень, но на пуфе перед зеркалом сидела прежняя леди Дюваль – розовощекая, почти светящаяся. Когда она заметила меня в отражении и широко улыбнулась, дыхание на секунду сперло, будто легкие снова наполнились пылью.

– Эгельдор!

Расческа выпала из рук, задела какую-то из многочисленных баночек на полке, и та с грохотом разбилась. Иветт даже не дрогнула: неподвижно смотрела на меня с тем самым блеском в глазах, от которого хотелось скрыться.

– Ты... поправился?

– Если можно так сказать, – пожал я плечами, прижимаясь спиной к стене. Я не сделал шаг навстречу, и она, собиравшаяся броситься в мои объятия, тоже замерла. – Стоит поблагодарить тебя за столь увлекательное путешествие. Признаться, дорогая, я давно не испытывал подобного. Для то-

го мы и живем, чтобы испытывать что-то новое, верно? Ты оказалась щедра на подарки.

– Эгельдор, – почти по слогам произнесла она. Я не любил, когда она делала это, но Иветт звала меня по имени часто, при любой удобной возможности, будто желала напомнить о том, кто я и почему выбрал этот путь. – Мне жаль.

Я прищурился. Ожидал, что за этими словами последуют мольбы о прощении и заготовленный, складный, тщательно выученный рассказ о причинах, заставивших ее так поступить. Но она молчала.

– И все? – не поверил я.

– А что ты хочешь услышать?

– Все, что обычно говорят, когда едва не лишают мужа жизни. «Прости», «ты все не так понял», «я не нарочно»...

– Тогда беседа окончена.

– Ты не перестаешь удивлять, – протянул я лукаво. – Сколько еще потрясений меня ждет?

Иветт тут же смягчилась в лице. На ее губах, обнажив зубы, расцвела улыбка, и я хотел бы, чтобы она походила на оскал, но нет.

– Не похоже, что ты раскаиваешься.

– Я не раскаиваюсь, скорее... сожалею, – объяснила Иветт. – Не хотелось, чтобы ты пережил все то, на что я обрекла тебя, но иначе быть не могло. Слишком многое находится не в моей власти, понимаешь?

– Ты даже не представляешь, насколько.

Я тщательно принялся, пытаюсь уловить в покоях кислые ноты, но не нашел следов фрёкона и сделал несколько решительных шагов к Иветт. Она терпеливо ждала, пока я приближусь, но первой протянула руку. Я позволил дотронуться до своего запястья. Холодные пальцы пробежались по коже.

– Ты готова?

– К чему? – встрепенулась Иветт, отдергивая руку.

– Аннулируем брак, – пояснил я. – Избавим себя от оков и исполним заветное желание твоего отца. Правда, только частично. Выдать тебя за короля я уже не смогу, ведь...

– Нет.

Иветт так сжала челюсти, что заскрипели зубы и в глазах что-то вспыхнуло. Не огонь, скорее звезды – зажглись и сразу потухли. Она хотела злиться и стоять на своем, но запала не хватило.

– Я не расторгну брак, – отрезала Иветт. – Ты тоже виновен в том, что произошло. С твоей подачи Фабиан передумал, так пожинай плоды. Я не собираюсь жить в позоре.

– Ты в нем по уши, – напомнил я и чуть поежился от того, с каким удовольствием произнес это. – Тебе рассказать, что говорят о виконте Дювале, или знаешь сама?

– Знаю. Я отвратная дочь чудовищного отца, которой боги не подарили дитя, потому что на роль матери она не годится. Но не отбирай у меня роль жены, Эгельдор. Я хочу ею остаться. Больше у меня ничего нет.

Относиться к ней с прежней беспечностью, конечно, не стоило, только, в сущности, чем ее присутствие грозило? Не убивать же Иветт из-за того, что мне больше не требуется ее компания! Хотя... я мог бы. Но от моей души остались лишь лохмотья, а вот Фабиану... ему такой подход не понравится. Что ж, формальный статус – плата малая.

– Но ты остаешься здесь, – поставил я условие. – Под стражей, как и сейчас.

Иветт присела в благодарном поклоне, и я не сдержал смешка.

– Не думай, будто я так добр, что следую воле всех членов вашей семьи. Это... временная мера.

– Тогда буду пользоваться твоей обманчивой добротой, пока у тебя есть нужда ее проявлять. – Она снова приблизилась, и ее горячие губы оставили на моей щеке влажный след. Я не стал бороться с желанием стереть его и тут же провел по лицу тыльной стороной ладони. – Ох, какой обидчивый. Что же, будешь теперь отмываться от каждого моего касания?

– Как и прежде.

Брови Иветт тут же сдвинулись к переносице, взгляд ожесточился. Я уже замечал ее удивительную способность кардинально менять настрой, но теперь это особенно бросалось в глаза. Пугало, что ни в нежности и кротости, ни в резких выражениях Иветт не чувствовалось фальши. Она не притворялась, просто металась – туда-сюда, туда-сюда.

– Каков страдалец! Фабиан бы жаждал моих ласк, не

встань ты у нас на пути, так что избавь меня от жалоб и терпи, раз уж дал слово. Как там было?.. «Жена, будь к мужу нежна. Муж, будь справедлив», – вспомнила она слова священника. – Свою часть договора я выполняю.

– Считаешь, ты заслужила все это? – беззлобно поинтересовался я, указывая на комнату. – Пока бедняки на улицах умирают от небывалого холода, ты греешься в королевских покоях и ешь то, что они выращивают, а ведь ни один из них не ставил под угрозу сразу несколько жизней. Ты желала власти над островами так сильно, что всю жизнь готовилась к моменту, когда ляжешь под короля. А оказавшись в шаге от мечты – вот беда, – увлеклась кем-то другим и все разрушила. Так что... как ты сказала?.. пожинай плоды.

– Ты зря не читаешь поэзию и истории о любви. – Иветт вернулась к расчесыванию волос, вновь расположившись на пуфе напротив зеркала и всем видом показывая, что больше не желает меня слушать. – Иначе знал бы, что не каждое сердце такое черствое и черное, как твое, а чувства порой значат больше планов.

Ох, об этом я знал куда лучше, чем она могла представить.

– Я найду способ все исправить, – отрезала она. – Просто не мешай.

– Читай побольше поэм, милая. Верь в силу любви. Может, когда-нибудь Лейфт сжалится и даст тебе написать собственную историю. Держи. – Я исполнил несложное заклин-

вание, и на плечо Иветт медленно опустилась бабочка, черная с оранжевыми прожилками, подобная раскаленному уголю. Мне не впервой создавать таких ради ее развлечения. – Прощальный подарок.

Иветт вздрогнула, взглянув на пылающие крылья, и в зеркале отразилось ее скорчившееся в отвращении лицо. Резким движением она стряхнула с себя бабочку, и иллюзия тотчас рассеялась.

– Может, мне поможет другое божество.

Прозвучало весомо – это Иветт точно репетировала, – и я решил не отвечать. Что-то с ней было не так, но оно ускользало от меня, просачивалось сквозь пальцы, виделось только краем глаза, чтобы исчезнуть, когда я наконец решусь повернуться.

Небеса в ее глазах необъятны, но взор узок.

* * *

Ателла, 816 год от Седьмого Вознесения

В тот год Ателла не могла похвастаться большим набором учеников – во всем мире сироты будто исчезли, а дети пьяниц и игроков обрели благополучные семьи, избежав участи пойти на эксперименты Гептагона. Впрочем, схема работала четко, и никакого простора для настоящих экспериментов не предоставлялось ни мне, ни другим Верховным.

И все же несколько несчастных нашлось. Первичный от-

бор прошли все из них, а это значило, что настала пора обряда посвящения. Чудовищного ритуала пробуждения силы, чтобы боги, судьба или подавленные животные инстинкты решились, кому суждено остаться в живых и веками развлекать толпу, а кому – гнить, так и не отомстив нерадивой родне.

Моя задача в этом представлении – подготовить зелье.

Аромат оно имело отвратный, и потому я всегда дожидался, когда Лорелея придет с требованием ускориться. Но и меру знал – не доводил до крайности, чтобы не заманивать в мое тихое логово разгневанную Кьяру.

– Эгельдор, – позвала Лорелея, спускаясь по лестнице. Она всегда так делала, будто я занимался в лаборатории чем-то непристойным, а она давала мне возможность замести следы. – Смею снова указать тебе на то, что... Вижу, в этот раз ты подготовился.

Я, полный гордости, указал на заставленный ингредиентами стол и торжественно объявил:

– Ваше любимое орудие пыток почти готово! Остались последние штрихи.

Бледные щеки Лорелеи чуть заалели. Она никогда не грубила, даже не прятала злость за сладкими речами – всегда оправдывалась.

– Полагаю, тебе известно, что их страдания не доставляют мне удовольствия, – возразила она тихо. – Но ты знаешь, что без обряда им не обрести силу.

– Нужна ли она им? Ты никогда не думала о том, что наше существование... противоестественно? – рассуждал я непринужденно, разливая зелье по крошечным бутылкам. – И таким же противоестественным образом мы плодимся, будто собак для охоты разводим. Да и охота та больше на шутовство похожа.

– Мир был бы иным без чародеев, ты это знаешь. То, что мы сильнее обычных людей, заставляет их бояться – иначе говоря, чуть дольше думать, прежде чем что-то сделать.

– И побуждает собрать побольше золота, чтобы это что-то мы сделали за них, верно?

– Я... не об этом пришла поговорить. – Лорелея провела ладонью по идеально зачесанным волосам, как будто оттуда хоть раз в жизни выбивалась прядка. – Ты часто откладываешь приготовление зелья, так что я надеялась, что застаю тебя в процессе. Нужно внести изменения.

Состав не менялся столетиями, и потому удивление весьма явно отразилось на моем лице. Лорелея не спешила с ответом – переступала с ноги на ногу, будто не решаясь сказать правду, – и я, чтобы не мучиться в ожидании, взялся толочь засушенные травы.

– Когда будешь накладывать проклятье для трансформации, позови меня. Два заклинания подряд зелье не примет. Придется делать это одновременно.

– И что, позволь узнать, ты хочешь добавить?

– Забвение.

– Ну уж нет!

Я вскипел мгновенно. Ступка не выдержала силы, с которой я вдавил в нее пестик, и с тихим треском раскололась. Они не могли этого сделать. Не должны были.

– Решение принято на совете Гептагона и дальнейшему обсуждению не подлежит, – заученно отчеканила Лорелея. В голосе появились стальные нотки, обычно свойственные Кьяре.

– На каком совете?

– Одним из тех, на которые ты не явился.

– Вы не имели права, – напомнил я. Неукоснительное подчинение правилам, конечно, мне не присуще, но остальные относились к ним куда трепетнее. – Для подобных решений нужно присутствие всех живых на момент совета Верховных.

– Если вопрос поднимается на трех встречах подряд, а потерянный член Гептагона не реагирует даже на письменные приглашения, на четвертый раз любое решение можно принимать без его участия.

– Я ничего не получал.

Лорелея чуть наклонилась вбок, разглядывая кучу писем на дальнем столе, и выставила вперед руку. Откуда-то из горы бумаг выбрался конверт с печатью в виде семиугольника.

– Ты ничего не читал.

Я широким шагом преодолел половину комнаты и резко

схватил письмо. Такие приходили часто – неудивительно, что я положил его на стол и забыл, как обо всех прочих, – но если обычно они имели характер гневный и нетерпеливый, то это было полно скуки. Кьяра не ждала, что я его прочту. Может, и не хотела.

– Лорелея, – почти взмолился я, – почему вы за это проголосовали?

– Чтобы облегчить их участь, – сложив руки на животе, нежно произнесла она. – Ты же не желал их страданий. Считай, твое мнение мы тоже учли.

– Спустя столько лет тот день – все еще один из самых страшных, что я переживал. Но зато я знаю, какой ценой досталась мне сила, и это едва ли не единственное, что меня сдерживает. Я знаю, что если увижу в чьих-то глазах те же боль и ужас, что в ночь посвящения, я смогу остановиться. Разве это не важно? Разве ты хотела бы... забыть?

Лорелея посмотрела на меня – долго, пронзительно. Момента большей близости за все годы знакомства у нас не случилось. Вечная доброта и учтивость сделали особенно ярким миг, когда Лорелея наконец упрекнула меня, позволив толикам неприязни выглянуть из-за высокой стены, которой она обнесла истинные эмоции. Она испытывала ко мне отвращение. Как и все в чародейской башне.

– Остановишься, даже если подписал контракт?

– Многие закрывают глаза.

Тяжелый выдох. Я не сразу понял, что он принадлежит мне.

– Ты закончил? – Лорелея указала на бутылки, которым не хватало только затычек. – Раз уж так совпало, давай сделаем все сейчас.

И я кивнул в ответ. Даже если бы я не был героем собственного прошлого, Кьяра весьма старательно следовала правилам – особенно если те были ей на руку, – и идею с забвением все равно приняли бы. Не существовало людей, чей дар убеждения хоть немного походил на тот, каким обладала Кьяра, и я пришел бы в ярость, рвал и метал, но сказал бы «да». Потому что даже Тристрам – ох, чистая душа – убедился бы в том, что все делается на благо детей. А кто я такой, чтобы заставлять их хранить в памяти нестерпимые муки? Лишь человек, сам лелеющий воспоминания о них, чтобы не забыть, каково это – чувствовать по-настоящему. Чувствовать сердцем, что бьется горячо и быстро, пока разум пуст и лишь стук этой проклятой мышцы ведет тебя по жизни.

Зелью следовало отстояться неделю – так проклятье наберется силы и наверняка сотворит с детским разумом свое мерзкое дело. Я испытывал к обряду жгучую ненависть, но не жалел, что прошел через него – иначе умер бы где-нибудь на болоте. Не отомстив за мать, не познав хорошей жизни и не узнав, что такое сила, которую страшно даже представить. Но другим я этого не желал. Впрочем,

может, во мне выиграло разросшееся эго – амбициозные юнцы, мечтающие занять мое место, не нравились мне заранее, и это точно что-то обо мне говорило.

Когда необходимый срок подошел к концу, я решил избавиться от зелья. Собрал бутылки, поставил на старьей деревянный поднос, открыл небольшой портал в кабинет главы Гептагона и, как обычно, оставил их в дальнем углу на комод. Казалось, Кьяра специально не занимала его ничем, кроме двух свечей, – это позволяло нам реже встречаться. Выигрывали от этого и мы сами, и все, кого утомляли наши бесконечные споры.

Разлом стал затягиваться, и в тот же миг по ту сторону послышался хлопок двери и знакомый голос:

– Но что, если он прав? К тому же нам и правда следовало узнать его мнение. Можно было просто спуститься в лабораторию и...

– Чем он заслужил твою заботу? – почти фыркнула Кьяра. – Что сделал, чтобы считаться с ним?

Ох, я всегда мечтал подслушать, как меня обсуждают! Сплетни, не переработанные сотней посредников, – чем не лакомый кусочек?

Лорелея промолчала почти минуту, прежде чем ответить.

– То же, что и все. Что и я. – Так твердо, что у меня холодок по спине пробежал. Обычно в присутствии матери ее даже слушать не приходилось – все знали, что ее мнение

ничуть не отличается от мнения главы, что бы та ни предлагала. – Он прошел отбор. Боги дали добро, а мы должны уважать их выбор.

– Не сравнивай его с собой.

В голосе Кьяры почти слышалась боль, и я даже устыдился того, что остановил закрытие портала. Но лишь на мгновение.

– В тебе столько силы, Лорелея, столько особенного... Только подумай: большие истории неизвестны случаи, когда у получивших силу родителей рождались чародеи! Не представляешь, сколько пытались! И вдруг появилась ты. Истинное чудо. Единственная в своем роде.

– Матушка, мы не о том... – устало обронила Лорелея.

Видно, Кьяра часто мучила ее подобными речами.

– Тебе нет подобных, – не обратив внимания, продолжила она. – Быть может, в тебе проснулась сила божества, а мы с твоим отцом приписали заслуги себе... впрочем, его сложно назвать отцом. Сомневаюсь, что его род наделил тебя хоть чем-то полезным.

– А он чем заслужил твою ненависть?

Я бы многое отдал, чтобы увидеть, как злится Лорелея – а она, судя по голосу, начала закипать.

– Он ужасный человек.

– И все же ты полюбила его настолько, что принесла в мир его дитя. Разве от посредственного союза родился бы такой удивительный, по твоим словам, ребенок? Половина

во мне – от него.

Кьяра вздохнула – тяжело, обреченно, – и о стол что-то тихо ударилось, будто она опустила на него бокал.

– Не будь к нему так добра.

– Почему же? – Я изнывал от любопытства настолько, что воображение представляло взору самые разные картины: и горящие огнем глаза, и полщица теней, танцующих вокруг Лорелеи, и шипящие змеи, в которых обратились ее пряди. А что, если волосы от злости растрепались, и строгая прическа обернулась неряшливой копной? Впрочем, последний вариант был самым маловероятным. – Знаешь, если взглянуть повнимательнее, вы до невозможности похожи. Если бы моим воспитанием занимался он, уверена, я выполняла бы ту же роль, что и сейчас. Вам обоим нужно только одно – вести за собой других. Такова ваша натура. Может, я занималась бы иной работой, но...

– Какая муха тебя укусила? – произнесла Кьяра строже, будто ругала дочь за то, что та испачкала новое платье, – совершенно буднично. – Если тебе близки его методы, можешь занять место его ученицы, пока оно свободно.

– Ты меня не слышишь. Как и всегда. – Лорелея, судя по звуку, сделала пару шагов и открыла дверь, но так и не ушла. – Потому-то тебе и не нравится Эгельдор. Его ты тоже никогда не слушаешь. Потому что он, как и я, слишком похож на вас двоих, но его тебе не удалось приручить.

Дверь закрылась. Кьяра тихо выругалась и скинула что-

то со стола. Я вздрогнул и, воспользовавшись моментом, незаметно закрыл портал. Никогда раньше я не слышал от Лорелеи чего-то подобного – где-то в середине разговора хотелось даже присвистнуть и поаплодировать. К тому же я впервые получил намек на то, кем был ее отец. Думал, о нем не говорили потому, что тот давно сгинул – такую дочурку пережить сможет не каждый. Но теперь я точно знал, кто он.

И – да простят меня Семеро – это уморительно.

Глава 3

В тело вонзались сотни и тысячи взглядов, желавших разорвать меня на куски. Я стоял посреди площади, привязанный к позорному столбу – дикарство, к которому давно не прибегали, – раздетый, трясущийся. Прохожие бросались гнилыми овощами и сырым мясом, которое, долетая до цели, шипело и дымилось, будто даже ему претило меня касаться. Воздух стал густым, смрадным. Я знал, что это сон: не узнавал место, не мог разглядеть лица, плохо слышал слова. Знал, что исчезнет страх перед разъяренной толпой – появится и дорога, что уведет меня прочь, и дверь, что поможет скрыться.

Но я боялся. Так сильно, что забывал дышать.

Глашатай – палач, судья? – что-то крикнул, народ взревел, пошел волной. Чьи-то руки упали на грудь, схватили меня за лохмотья и затрясли. Голова моталась из стороны в сторону. Пейзаж закрутился, стало дурно. Я пытался пробудить хоть толику магии, взывал к ней со всем отчаянием, которым был напитан, но она покинула меня. А если и осталась, то не желала помогать.

Что-то больно прошлось по ладони, хватка веревок ослабла, и я понял: кто-то разрезал путы. Следовало обернуться и отблагодарить спасителя, попытаться рассмотреть его черты, спросить имя, но распаленный страхом инстинкт

заставил наброситься на ближайшего обидчика и сдавить руками его шею. Все кошмары заканчивались этим. Худший способ убийства, к которому может прибегнуть чародей. Прямое доказательство его беспомощности.

Жертва захрипела, задержалась, а затем... ударила меня в грудь так, что я отлетел. Перед глазами был уже потолок, не небо. В воздухе висел запах воска и поленьев из камина, а еще шалфея, которым одна из служанок якобы тайно окуривала мои покои – пыталась помочь, и я позволял, вот только мою душу шалфей не возьмет.

А где-то в стороне кто-то надрывно кашлял.

– Больше те...бя бу...дить не бу...ду, – проблеял Тобиас, и я тут же сел, чтобы подтвердить догадки. Он потирал шею руками.

– Мы окончательно перешли на «ты»? – попытался отшутиться я.

– После такого-то?

– Ты прав... Живой?

Тобиас усмехнулся и снова зашелся кашлем.

– Ладно, я понял, – изо всех сил стараясь выглядеть невозмутимо, подытожил я. Одеваясь, иногда посматривал на него. Тобиас застыл у зеркала и растирал покрасневшую кожу. – Выглядишь удивленным. Неужто за столько лет войны приближенного к королю воина ни разу не пытались придушить?

– Трижды, – ничуть не удивившись вопросу, бросил он. –

Коленом, древком лука и собственно руками. Но никто из нападавших не был голым или спящим.

Тобиас обернулся, дождался, пока я на него взгляну, и совершенно серьезно добавил:

– Больше так не делай.

Я не смог ему пообещать – отмахнулся, сделал вид, что это глупость. По спине все еще бегали мурашки, пальцы ног казались замерзшими. Сознание играло со мной. Прежде провести границу между сном и явью удавалось проще, эмоции не были подлинными, я их контролировал.

Но не теперь. После того обилия фрёкона, что проникло, казалось, в каждую клетку моего тела, я мог никогда не восстановиться до конца. Вновь обрести силы внешние, но не внутренние. Слабый зверек, что больно кусается.

– Чем обязан? – наконец спросил я, разбираясь с последней пуговицей. Она все выскальзывала из пальцев, и на фоне общего раздражения я едва сдерживался, чтобы не оторвать и не обратить ее в пепел. Тяжело вздохнув, Тобиас в два широких шага оказался рядом и с первого раза разобрался с самой строптивой частью моего одеяния. – Это было лишним.

– Как дитя... – прошептал он, опустив на меня взгляд. Прежде мы не бывали так близки – в прямом смысле слова, – и я не замечал, что ростом Тобиас ничуть не уступал королю, но был худее и уже. – Меня без тебя в архивы не пустят, принцесса. Все со мной и говорить боятся: помнят, что мы с Фабианом в ссоре, думают, проявят любезность – нарвутся

на его немилость.

– Но что-то же ты нашел?

– Расскажу по пути.

Я кивнул, и Тобиас, с издевкой указав на дверь – все-таки дам положено пропускать вперед, – со знанием дела повел меня по коридорам. Ориентировался он хорошо, сразу видно, что не просто много раз бывал в замке – жил в нем, а уехав, в подробностях вспоминал, чтобы ушедшие годы не казались слишком далекими. Любезная улыбка ему шла. Он безошибочно определял статус проходящих мимо людей и всегда знал, что сказать. В стенах королевской обители даже шрам над его бровью стал пикантным дополнением, а не следом былой войны, и женщины, в особенности служанки, отмечали это, загадочно улыбаясь.

Кроме Вивиан. Она нервно засмеялась, столкнувшись с нами, когда выходила из-за угла. Взгляд ее был направлен исключительно на меня.

– Приветствую, госпожа Моро, – произнес Тобиас, чуть поклонившись.

Губы Вив дрогнули, но это не заставило ее посмотреть на моего спутника.

– Не госпожа, – отрезала она. – Чего бродите?

Я пару мгновений стоял молча, сопоставляя факты, и рот почти сам открылся в предвкушении изумленного возгласа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.